

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАТЕГОРИАЛЬНОГО
АНАЛИЗА В МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ. СВОБОДА КАК ЦЕНТРАЛЬНАЯ
КАТЕГОРИЯ МОРАЛИ**

Мишагин П.А.

Научный руководитель – д-р филос. наук, проф. Викторук Е.Н.

Сибирский государственный технологический университет

Наука не может обойтись без соответствующего ей категориального аппарата. Категории традиционно характеризуются как узловые пункты в системе научного знания, помогающие познавать ее и овладевать ею. Особый статус категорий обеспечивается тем, что они выражают наиболее существенные свойства и отношения объектов познания, удерживая их содержание в предельно обобщенном виде. Отмеченные особенности ставят категории в центр любой системы научных понятий, наделяют их значением теоретико-методологических принципов познания.

В отечественной моральной философии сложилась традиция относить к числу категорий такие понятия, как добро и зло, благо, долг, совесть, счастье. Перечисленные понятия не исчерпывают и не могут исчерпывать всей системы категорий моральной философии. Развитие конкретных нравственных отношений, углубление их познания расширяют систему базовых системообразующих понятий моральной философии, являющихся своеобразным фокусом пересечения метафизических (онтогносеологических) и нравственных проблем. Но вне зависимости от обогащения нравственного опыта человечества, несомненным остается тот факт, что перечисленные выше традиционные категории представляют стабильную основу, игнорируя которую развитие специфического категориального аппарата моральной философии как автономного раздела философского знания не представляется возможным.

Исследование категориального аппарата моральной философии, являющегося плодом длительного исторического развития науки о морали, имеет неоспоримое теоретико-методологическое значение. Тем не менее, большинству работ посвященных моральной философии свойственна подмена теоретико-методологического анализа категорий их нормативным описанием. Это характерно как для трудов, представляющих историю этических учений, так и для современного состояния моральной философии, что во многом объясняется ее прикладным характером и практическим предназначением (не удалось избежать этой подмены и мэтрам отечественной философии морали специально занимавшимся этим вопросом – Л.М.Архангельскому, О.Г.Дробницкому, А.А.Гусейнову и др.).

Нормативный методологический подход к категориям моральной философии необходим, поскольку он раскрывает их актуальное содержание. Однако сам по себе он оказывается недостаточным для того, чтобы проникнуть в суть научного познания моральных процессов, вооружить теорию и практику действенным методом целостного постижения моральных явлений. Задача, таким образом, заключается не в критике

нормативного содержания категорий моральной философии, а в органическом соединении содержательного и формального анализа, что возможно достичь только на базе конкретно-исторического изучения морали как специфического объекта междисциплинарных научных исследований.

Методологическое исследование категорий моральной философии сталкивается прежде всего с трудностями истолкования их природы, поскольку они формируются на стыке двух форм социального сознания: морали и моральной философии (как специфической науки о морали). С одной стороны, категории моральной философии выражают наиболее специфические свойства, отличающие мораль от других форм социального сознания, с другой – представляют собой понятийный аппарат конкретной научной отрасли – философии морали, то есть выступают в качестве научных понятий. Возникает проблема, которую можно сформулировать следующим образом: отрицают ли два указанных качества друг друга или они совместимы в каком-либо отношении?

Специфические черты, разграничивающие философию морали и саму мораль по принципу «наука и ее предмет», не должны затемнять внутренней органической общности, связывающей их генетически и функционально. Исследователи моральной философии с самых ранних этапов ее развития стремились дать определенное толкование действующим в обществе моральным нормам, утвердить идеалы, отвечающие интересам конкретных лиц и их групп. Они, таким образом, исходили из реально существующего морального сознания и формирующих его мотивов, определенным образом предопределяющих его развитие. Это свое назначение философия морали всегда более или менее успешно осуществляла путем описания норм поведения, обобщенно выраженных в представлениях о добре и зле, благе, долге, совести, счастье, и, наконец, свободе, к которым люди обращаются в своей повседневной жизнедеятельности. Но описание – только начальная ступень научного познания. Теоретико-методологическая функция науки с неизбежностью приводит к обоснованию определенной интерпретации феноменов морали, и здесь моральная философия уже поднимается над обыденным моральным сознанием, поскольку представляет собой систему знаний, в которой так или иначе выражены мировоззренческие и познавательные позиции исследователя. Не затрагивая здесь вопроса о соотношении обозначенных позиций с принципом объективности научных исследований, отметим лишь, что мера их совпадения обусловлена сочетанием всесторонности и глубины познания предмета науки с заинтересованностью ученого в утверждении подлинно гуманистических и социально-конструктивных идеалов.

Категории моральной философии в теоретико-методологическом разрезе правомерно рассматривать прежде всего как выражение в философии морали различных сторон морального сознания и моральной практики, теснейшим образом взаимообусловленных. Для самого же морального сознания представления и понятия о свободе, добре и зле, совести и долге и т.д. являются специфическими формами его выражения. Названные понятия функционально могут выражать нормативные требования, ценности, мотивы. Каждая из обозначенных спецификаций, взятая сама по себе, не является монополией исключительно морального сознания. Нормативность, к примеру, характеризует также правовое сознание. Оценочность присуща и правовому и эстетическому, и, в известной мере, научному сознанию как таковому, во всей его

целостности и полноте. Органичное же сочетание нормативности, императивности, оценочности, мотивационности – характерная особенность именно и только морального сознания. Вместе с тем отмеченная особенность не раскрывает всей специфики морали, которая связана также и со способами реализации перечисленных выше свойств: моральные нормы, оценки и мотивы обретают регулятивную силу постольку, поскольку подкрепляются социальной политикой и личными убеждениями.

Существенной характеристикой базовых системообразующих категорий моральной философии (свободы, добра и зла, долга, совести и ответственности и т.д.) является то, что они обладают значением важнейших моральных ценностей, которые широко используются субъектами морали как ориентиры собственной деятельности в пространстве социальных коммуникаций. Для обыденного сознания представления о свободе, добре и зле, справедливости и т.д. неотделимы от их конкретного предметно-чувственного содержания. Человека, занятого практическими делами, руководящегося повседневными заботами, интересуют не категории сами по себе, а те феномены, которые за ними стоят. Если учитывать, что обыденное сознание не защищено от ошибочных, односторонних суждений и просто заблуждений, а также возможность расхождения личных и общественных интересов, к сказанному выше можно еще добавить большую вероятность субъективистского понимания моральных представлений на уровне обыденного сознания, хотя нравственный опыт человечества, на теоретико-методологическом плане фиксируемый в категориях, в целом, является достаточно прочной гарантией сохранения их наиболее общего объективного содержания.

На уровне философии морали преодолевается односторонность и ситуативность использования моральных категорий. Моральная философия на метаэтическом уровне собственных исследований выявляет их объективный характер, их объективное значение на основе всестороннего, конкретно-исторического подхода к морали. Базируясь на принципе единства исторического и логического, метаэтический анализ категорий моральной философии включает в себя исследование их генетического источника и взаимосвязи. Моральная философия изучает, помимо этого, реальные нравы общества в их историческом развитии, в единстве феноменально-эмпирических и ноуменально-теоретических отношений, где и находит свое практическое применение категориальный анализ феноменов морали, служащий их онтологическим основанием.

Отсюда категории моральной философии необходимо должны рассматриваться в общей системе моральных идеалов и ценностей, поскольку их идеальные и ценностные характеристики солидаризируются с их статусом ключевых научных понятий. Теоретико-методологический анализ категорий моральной философии лежит, таким образом, в русле общего предназначения моральной философии и ее базовых смыслообразующих и практикоориентированных функций.

Категории морали как предельные понятия моральной философии выражают объективно существующее, выступающее в конкретных условиях моралеприменения как необходимое и закономерное. Самое простое обобщение, связанное с образованием понятий, ведет к более глубокому познанию объективных связей мироздания, к

осознанию того факта, что сами эти связи и их развитие имеют закономерный характер и, следовательно, управляемы.

Таким образом, при построении системы моральной философии необходимо формирование системы категорий служащих ее теоретико-методологическим основанием. Многие мыслители прошлого осознавали необходимость категориального анализа феноменов морали и построения системы категорий моральной философии, при этом большинство из них выстраивало свою систему иерархически, так, что какая-либо одна категория занимала центральное место, а все остальные подчинялись ей и проистекали из нее. Например, ранние санкхья ставили в центр понятие счастья («ананда»), а поздние эпигоны этой школы – страдание («духкха»); Конфуций – человечность («жэнь»); Сократ – высшее благо («аристон») как единство истины, добра, красоты; Платон и Аристотель – добродетель; Эпикур – невозмутимость («эвтюмию»); П.А.Гольбах – личный интерес; И.Кант – долг; Г.В.Ф.Гегель – право и т.д. В результате предложенные системы моральных категорий чаще всего воспроизводились формально, вне раскрытия логики взаимодействия различных сторон морали, тем самым разрушалась целостность объекта исследования. Категории моральной философии в истории этических учений определялись в теоретико-методологическом плане с позиций эвдемонизма, гедонизма, ригоризма, утилитаризма, эволюционизма и т.д., вольно или невольно порождая односторонность и абсолютизацию какой-либо одной грани или свойства морали.

Следуя традиции великих предшественников прошлого и используя приведенную выше методологию, предложу собственное основание теоретико-методологической иерархии категорий моральной философии. Таким основанием на наш взгляд, служит категория свободы, имеющая предельное значение для системы моральной философии. Свобода, рассматриваемая как наиболее общая категория моральной философии может быть раскрыта в следующих тесно взаимосвязанных аспектах, отражающих различные проявления морали:

а. как положительное нравственное содержание человеческой деятельности, рассматриваемое со стороны мотива и результата и позволяющее расценивать ее как приемлемую со стороны определенной системы нравственных норм поведения;

б. как позитивное содержание реально существующих нравственных отношений, соответствующих в своих основаниях моральному идеалу;

с. как общее, объединяющее всю совокупность положительных норм и принципов конкретно-исторических форм морали, как идеал;

д. как нравственный источник и нравственная цель поступка, одновременно его базовый онтологический мотив и феноменальный результат;

е. как добродетель, неотъемлемое моральное качество человеческой личности.

Только благодаря свободе как исходному феномену и центральной категории моральной философии возможно самое разграничение морального от аморального и имморального, и в этом смысле, отсутствие свободы в качестве феномена или категории (как предельно общего понятия) не только лишает моральную философию возможности осуществлять свою главнейшую регулятивную функцию, но и онтологически лишает ее нормативности, превращая тем самым в исключительно

описательную науку, занимающуюся простой неаналитической фиксацией тех или иных эмпирически верифицируемых феноменов нравственности.